

Анатолий Рыбаков

Бронзовая птица

ФТМ

Приключения Миши Полякова и его друзей

Анатолий Рыбаков

Бронзовая птица

«ФТМ»

1956

Рыбаков А. Н.

Бронзовая птица / А. Н. Рыбаков — «ФТМ»,
1956 — (Приключения Миши Полякова и его друзей)

Герои Анатолия Рыбакова – обычные московские школьники. Наблюдательность и любопытство арбатских мальчишек Миши, Генки и Славки не дают им скучать, они предпочитают жизнь насыщенную и беспокойную. Загадка старинного кортика увлекает ребят в приключения, полные таинственных событий и опасностей.

© Рыбаков А. Н., 1956

© ФТМ, 1956

Содержание

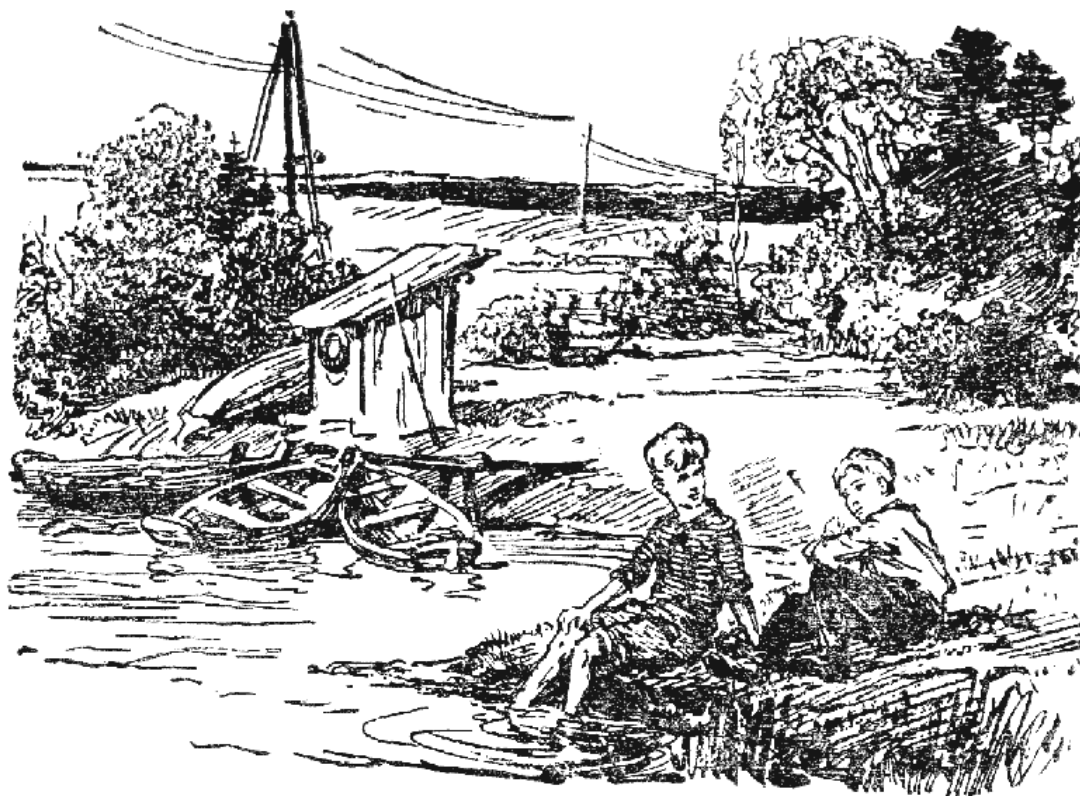
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анатолий Рыбаков

Бронзовая птица

Часть первая

Беглецы

Глава 1

Чрезвычайное происшествие

Генка и Славка сидели на берегу Утчи.

Штаны у Генки были закатаны выше колен, рукава полосатой тельняшки – выше локтей, рыжие волосы торчали в разные стороны. Он презрительно посматривал на крохотную будку лодочной станции и, болтая ногами в воде, говорил:

– Подумаешь, станция! Прицепили на курятник спасательный круг и вообразили, что станция!

Славка молчал. Его бледное, едва тронутое розоватым загаром лицо было задумчиво. Меланхолически жуя травинку, он размышлял о некоторых горестных происшествиях лагерной жизни...

И надо было всему случиться именно тогда, когда он, Славка, остался в лагере за старшего! Правда, вместе с Генкой. Но ведь Генке на все наплевать. Вот и сейчас он как ни в чем не бывало сидит и болтает ногами в воде.

Генка действительно болтал ногами и рассуждал про лодочную станцию:

– Станция! Три разбитые лоханки! Терпеть не могу, когда люди из себя что-то выстраивают! И нечего фасонить! Написали бы просто: «прокат лодок» – скромно, хорошо, по существу. А то «станция»!

– Не знаю, что мы Коле скажем, – вздохнул Славка.

– При чем тут мы? А если он будет выговаривать, то я ему прямо скажу: «Коля! Надо быть объективным. Никто тут не виноват. И вообще, в жизни без происшествий не бывает». – И он с философским видом добавил: – Да без них и жизнь была бы неинтересной.

– Без кого – без них?

– Без происшествий.

Вглядываясь в дорогу, идущую к железнодорожной станции, Славка сказал:

– Ты лишен чувства ответственности.

Генка презрительно покрутил в воздухе рукой:

– «Чувство», «ответственность»!.. Красивые слова... Фразеология... Каждый отвечает за себя. А я еще в Москве предупреждал: «Не надо брать в лагерь пионеров». Ведь предупреждал, правда? Не послушались.

– Нечего с тобой говорить, – равнодушно ответил Славка.

Некоторое время они сидели молча, Генка – болтая ногами в воде, Славка – жуя травинку.

Июльское солнце пекло невероятно. В траве неутомимо стрекотал кузнечик. Речка, узкая и глубокая, прикрытая нависшими с берегов кустами, извивалась меж полей, прижималась к подножиям холмов, осторожно обходила деревни и пряталась в лесах, тихая, темная, студеная...

Из приютившейся под горой деревни ветер доносил отдаленные звуки сельской улицы. Но сама деревня казалась на этом расстоянии беспорядочным нагромождением железных, деревянных, соломенных крыш, утопающих в зелени садов. И только возле реки, у съезда к парому, чернела густая паутинка тропинок.

Славка продолжал вглядываться в дорогу. Поезд из Москвы уже, наверно, пришел. Значит, сейчас Коля Севостьянов и Миша Поляков будут здесь... Славка вздохнул.

Генка усмехнулся:

– Вдыхаешь? Типично интеллигентские охи-вздохи!.. Эх, Славка, Славка! Сколько раз я тебе говорил...

Славка встал, приставил ладонь козырьком ко лбу:

– Идут!

Генка перестал болтать ногами и вылез на берег.

– Где? Гм!. Действительно, идут. Впереди – Миша. За ним... Нет, не Коля... Мальчишка какой-то... Коровин! Честное слово, Коровин, беспризорник бывший! И мешки тащат на плечах...

– Книжки, наверно...

Мальчики вглядывались в маленькие фигурки, двигавшиеся по узкой полевой тропинке. И, хотя они были еще далеко, Генка зашептал:

– Только имей в виду, Славка, я сам объясню. Ты в разговор не вмешивайся, а то все испортишь. А я, будь здоров, я сумею... Тем более – Коля не приехал. А Миша что? Подумаешь! Помощник водителя...

Но как ни храбрился Генка, ему стало не по себе. Предстояло неприятное объяснение.

Глава 2

Неприятное объяснение

Миша и Коровин опустили на землю мешки.

– Почему вы здесь? – спросил Миша.

Он был в синей кепке и кожаной куртке, которую не снимал даже летом – ведь в ней он выглядел заправским комсомольским активистом.

– Так просто. – Генка ощупал мешки: – Книги?

– Книги.

– А где Коля?

– Коля больше не приедет. Его мобилизовали во флот...

– Вот оно что... – протянул Генка. – А кого пришлют вместо него?

Миша медлил с ответом. Он снял кепку и пригладил свои черные волосы, которые частым смачиванием превратил из курчавых в гладкие.

– Кого же пришлют? – переспросил Генка.

Миша медлил с ответом потому, что вожатым отряда назначили его самого. И он не знал, как сообщить эту новость ребятам, чтобы они не подумали, что он задается, но и чтобы сразу признали его вожатым... Сложная задача – командовать товарищами, с которыми сидишь на одной парте. Но по дороге Миша придумал два спасительных словечка. Скромно, с подчеркнутым безразличием он сказал:

– *Пока* меня назначили.

«Пока» и было первым спасительным словом. Действительно, кто должен временно заменить вожатого, как не его помощник?

Но скромное и учтивое «пока» не произвело ожидаемого действия. Генка вытаращил глаза:

– Тебя? Но какой же авторитет мы будем иметь в деревне? Колю все уважали... И старики.

Тогда Миша произнес второе спасительное слово:

– Я отказывался, но *райком* утвердил. – И, почувствовав за собой авторитет райкома, строго спросил: – Как же вы бросили лагерь?

– Там Зина Круглова осталась, – поспешно ответил Генка.

Вот что значит спросить построже... А Славка и вовсе каким-то извиняющимся тоном начал:

– Видишь ли, Миша...

Но Генка перебил его:

– Ну как, Коровин, в гости к нам приехал?

– По делу, – ответил Коровин и шумно втянул носом воздух. Плотный, коренастый, он в форменной одежде трудколонииста выглядел совсем толстым и неуклюжим. Лицо его лоснилось от пота, и он все время отмахивался от мух.

– Раздобыл ты на колониистских хлебах, – заметил Генка.

– Кормят подходяще, – ответил простодушный Коровин.

– А по какому делу ты приехал?

Миша объяснил, что детдом, в котором живет Коровин, превращается в трудовую коммуну. И разместится трудкоммуна здесь, в усадьбе. Завтра сюда приедет директор. А Коровина вперед послали. Узнать, что к чему.

Из скромности Миша умолчал о том, что это, собственно говоря, его идея. Вчера он встретил Коровина на улице и узнал от него, что детдом ищет под Москвой место для трудовой коммуны. Миша объявил, что знает такое место. Их лагерь размещен в бывшей помещицкой

усадьбе Карагаево. Правда, это Рязанская губерния, но и от Москвы недалеко. Усадьба пуста. В огромном помещичьем доме никто не живет. Отличное место. Ничего лучшего для коммуны не придумаешь... Коровин рассказал об этом своему директору. Директор велел ему ехать с Мишей, а сам обещал приехать на другой день.

Вот как было на самом деле. Но Миша не рассказал этого, чтобы ребята не подумали, что он хвастается. Он им только сообщил, что здесь будет трудкоммуна.

– Фью! – засвистел Генка. – Так и пустит их графиня в усадьбу!

Коровин вопросительно посмотрел на Мишу:

– Кто такая?

Размахивая руками, Генка начал объяснять:

– В усадьбе раньше жил помещик, граф Карагаев. После революции он удрал за границу. Все с собой увез, а дом, конечно, оставил. И тут живет теперь одна старуха, родственница графа или приживалка. В общем, мы ее зовем графиней. Она охраняет усадьбу. И никого туда не пускает. И вас не пустит.

Коровин опять втянул носом воздух, но уже с некоторым оттенком обиды:

– Как – не пустит? Ведь усадьба государственная.

Миша поспешил его успокоить:

– Вот именно. Правда, у графини есть охранная грамота на дом как на историческую ценность. Не то царица Елизавета здесь жила, не то Екатерина Вторая. И графиня всем тычет в нос этой грамотой. Но ты сам пойми: если будут пустовать все дома, в которых веселились цари и царицы, то где, спрашивается, народ будет жить? – И, считая вопрос исчерпанным, Миша сказал: – Пошли, ребята! Мы с Коровиным от самой станции мешки тащили. Теперь понесете вы.

Генка с готовностью ухватился за мешок. Но Слава, не двигаясь с места, сказал:

– Видишь ли, Миша... Вчера Игорь и Сева...

– Ах да, – перебил его Генка, опуская мешок, – я только хотел сказать, а Славка вперед вылез. Всегда ты, Славка, вперед лезешь!

Потом он заканючил:

– Понимаешь, какое дело, Миша... Такое, понимаешь, дело... Как бы тебе сказать...

Миша рассердился:

– Что ты тянешь? Тянет, тянет... «Как бы», «что бы»!

– Сейчас, сейчас... Так вот... Игорь и Сева убежали.

– Куда убежали?

– Фашистов бить.

– Каких фашистов?

– Итальянских.

– Глупости ты болтаешь!

– Почитай сам.

Генка протянул Мише записку. Она была очень короткой: «Ребята, до свиданья, мы уезжаем бить фашистов. Игорь, Сева».

Миша прочитал записку раз, потом другой, пожал плечами:

– Чепуха какая-то!.. Когда это случилось?

Генка начал путано объяснять:

– Вчера, то есть сегодня. Вчера они легли спать вместе со всеми, а утром просыпаемся – их нет. Только вот эта записка. Мне, правда, они еще вчера показались очень подозрительными. Вздумали ботинки чистить! Никакого праздника нет, а они вдруг ботинки чистить... Смешно...

И он неестественно засмеялся, приглашая Мишу тоже посмеяться над тем, что Игорь и Сева вздумали чистить ботинки.

Но Мише было не до смеха.

– Где вы их искали?

– Всюду. И в лесу, и в деревне...

– Может, они с жиганами связались? – сказал Коровин. – У нас как кто убежит – значит, ищи жигана поблизости. Он подбил. И обязательно в Крым бегут. Сейчас все в Крым бегут.

Миша махнул рукой.

– Какие здесь жиганы! Просто эти вот помощнички всех распустили. – И он смерил Генку и Славку взглядом, исполненным глубочайшего презрения.

– При чем здесь мы? – в один голос закричали Генка и Славка.

– При том! Раньше не бегали, вот при чем!

Генка прижал руки к груди:

– Честное благородное слово...

– Не нужно твоего благородного слова! – оборвал его Миша. – Пошли в лагерь!

Генка и Славка взвалили на плечи мешки. Мальчики двинулись к лагерю.

Глава 3 Усадьба

Тропинка, по которой шли мальчики, вилась полями.

Генка болтал без умолку. Но разговаривать он умел, только размахивая руками. Мешок с книгами как-то незаметно, сам собой перекочевал обратно на плечи Коровина.

– Если вам даже удастся перебороть графиню, – разглагольствовал Генка, – то все равно организовать здесь коммуны, наладить хозяйство будет очень трудно. Прямо скажем – невозможно. В усадьбе ничего нет. Только один дом. Инвентаря никакого. Ни живого, ни мертвого. Ни бороны, ни сохи, ни плуга, ни телеги. И думаешь, все крестьянам досталось? Ничего подобного. Кулаки растащили. Честное слово! Тут, брат Коровин, такие кулаки, каких, может быть, больше нигде и нет. Ты себе представить не можешь, что они вытворяют.

– А что?

– Ах ты, чудак! Ведь мы сюда приехали, чтобы организовать пионерский отряд. А все против нас. Во-первых, кулаки. Во-вторых, религия. В-третьих, несознательность родителей: не пускают ребят в отряд. Даем спектакль – битком набито. Объявим после спектакля собрание – все разбегаются.

– Дело известное, – глубокомысленно заметил Коровин.

– Вот именно, – подхватил Генка. – А сами ребята деревенские... Сколько у них пред-
рассудков! Только и рассуждают о леших и чертях. Поработай с ними!

– Трудно, значит?

– Нелегко, – сокрушенно подтвердил Генка. Но тут же хвастливо добавил: – Но мы ведь и потруднее дела делали. Раз должны организовать – значит, организуем. Вот книжечки им привезли, – он тронул рукой мешок, который за него тащил Коровин, – спектакли даем, в ликбезе работаем, ликвидируем неграмотность. Увидишь: мы здесь самые первые организуем пионерский отряд. Правда, Миша?

Миша ничего не ответил. Он молча шагал по дороге и думал о том, как неудачно начинается его работа в качестве вожатого отряда. В первый же день пропали два пионера. Куда они делись? Без денег, без продуктов они далеко не убегут. Но мало ли что может случиться с ними в дороге. Могут и в лесу заблудиться, и в реке утонуть, и под поезд попасть... Такая неприятность!

Поставить в известность их родителей или нет? Пожалуй, не стоит. Зачем зря волновать? Ведь все равно беглецы найдутся. А родители всех взбудоражат. Подымут на ноги всю Москву. Неприятностей не оберешься. В школе, в райкоме только и будут говорить об этом происшествии. А в деревне уже, наверно, сплетничают, что пионеры разбегаются и, значит, не надо отдавать ребят в отряд. Вот что наделали Игорь и Сева... Подорвали авторитет отряда. Отряд целый месяц работал в таких трудных условиях, и на тебе!

Эти мрачные размышления прервал Генкин выкрик:

– А вот и усадьба!

Мальчики остановились.

Перед ними, высоко на горе, в гуще деревьев, стоял двухэтажный помещичий дом. Казалось, что у него несколько крыш и много дымовых труб. Большая полукруглая веранда, огороженная барьером из белых каменных столбиков, разделяла дом на две равные части. Над верандой возвышался мезонин с двумя окнами по бокам и нишей посередине. К дому, пересекая сад, вела широкая аллея, вначале ровная, земляная, затем в виде отлогих каменных ступеней, постепенно образующих каменную лестницу, двумя крыльями огибающую веранду.

Генка прищелкнул языком:

– Красиво?

Коровин с шумом втянул воздух:

– Хозяйство – вот что важно.

– А хозяйства там никакого нет, – заверил его Генка.

Действительно, усадьба казалась заброшенной. Сад зарос. Скамейки вдоль аллеи были сломаны, большая гипсовая ваза на клумбе разбита, пруд затянулся ядовито-зеленой тиной. Все было мертво, безжизненно, мрачно.

И только когда мальчики углубились в сад, звонкие ребячьи голоса нарушили эту угнетающую тишину...

За сломанной оградой на лужайке белели палатки. Это и был лагерь. Ребята бежали навстречу мальчикам. Впереди – Зина Круглова. На своих толстых, коротких ногах она бегала быстрее всех.

Глава 4

Отряд

Собственно говоря, здесь был не весь отряд, а только пятнадцать ребят, самых старших. Из них девять комсомольцев. Остальные будут вступать в комсомол этой осенью. Но называли они себя отрядом – а как же еще?

Три палатки стояли под деревьями по окружности лужайки. В середине высилась мачта с развевающимся в воздухе вымпелом. В стороне горел костер. На двух треногах лежала палка, порядком обгоревшая. Возле костра хлопотали дежурные, варили обед. Сильно пахло подогрешим молоком.

– Все в порядке, – быстрой скороговоркой докладывала Зина, – письмо краснофлотцам отправили, занятия в ликбезе вчера провели. Пришло восемь человек вместо двенадцати. А насчет Игоря и Севы они, – Зина кивнула на Генку и Славку, – наверно, уже тебе рассказали.

При упоминании об Игоре и Севе ребята загалдели. Всех перекричал Борька Баранов. Он совсем не рос, и его по-прежнему звали Бяшкой. Но он стал ужасным борцом за правду. Ему казалось, что если бы не он, Бяшка, то в мире воцарились бы ложь и несправедливость. И он громче всех закричал:

– Они убежали из-за Генки!

– Что ты врешь, Бяшка несчастная! – возмутился Генка.

Но Миша велел Бяшке рассказывать.

Как всегда, когда он боролся за правду, Бяшка начал очень торжественно:

– Я расскажу всю правду. Мне незачем прибавлять и выдумывать.

– Ближе к делу, – поторопил его Миша: Бяшкино предисловие могло затянуться на добрых полчаса.

– Так вот, – продолжал Бяшка, – когда мы легли спать, то начали разговаривать. Это было после спектакля «Смерть фашизму». Игорь и Сева сказали, что надо не спектакли ставить, а фашистов громить, чтобы не убивали коммунистов. Тогда Генка начал над ними смеяться: «Поезжайте, поезжайте бить фашистов, а мы посмотрим». Игорь разозлился и сказал: «Захотим – и поедem». Тогда Генка говорит: «Захотите, захотите!» Такой был разговор. А утром Генка проснулся и спрашивает: «Вы еще здесь? А я думал, что вы убежали фашистов бить». И потом каждое утро Генка как проснется, так и спрашивает их: «Вы сколько сегодня фашистов побили?» Так их задразнил, что они в конце концов и убежали. Вот как было. А врать мне незачем. Я никогда не вру.

– Генка, это правда? – спросил Миша.

– Правда, правда! – закричали ребята из Генкиного звена.

– Он все время дразнится! – проворчал Филя Китов, по прозвищу «Кит». Как и раньше, он любил поесть, всегда жевал что-нибудь и еще больше растолстел.

– Генка, это правда?

Генка пожал плечами:

– Какое это имеет отношение? Верно. Я их немного подразнил. Но для чего? Для того, чтобы они эту чепуху выбросили из головы. А они, дурачки, взяли да убежали. Пошутить нельзя! Смешно, честное слово!

– Ах, смешно! – закричал Миша.

Не в силах сдержать свое возмущение, он вдруг сорвал с головы кепку, бросил ее на землю, повернулся вокруг себя один раз, потом другой и, застыв на месте, уставился на Генку.

Пораженный Генка ошалело вытаращил глаза. Все ребята, остолбенев, смотрели на Мишу.

Миша вспомнил, что он теперь вожатый отряда и должен сдерживать себя. Он поднял кепку, натянул ее на голову.

– Ладно! Мы их сначала найдем, а потом разберемся, кто виноват. Быстро пообедайте, и начнем искать.

Генка сразу оживился:

– Правильно! Мы их враз найдем. Вот увидишь, Миша...

За обедом Миша опросил дежурных. Но они клялись, что ничего не видели. А ведь Игорь и Сева забрали все свои вещи, вплоть до кружек и ложек. И никто этого не заметил.

Конечно, они могли уехать домой. Но, прежде чем ехать за ними в Москву, надо как следует поискать здесь.

Наиболее вероятным местом, где могли спрятаться мальчики, представлялась Мише усадьба. Он пойдет туда сам вместе с Коровиным. А остальные ребята пусть прочешут лес.

– Прочешете лес, – сказал Миша. – Генка со своим звеном – со стороны деревни, звено Славки – от реки, звено Зины – из парка. Идите цепью и все время перекликайтесь. К семи часам возвращайтесь в лагерь.

Выстроив свои звенья, Генка, Славка и Зина побежали к ближнему лесу, каждый со своей стороны.

Миша и Коровин пошли в усадьбу.

В лагере остался только Кит. Он всегда охотно дежурил за других на кухне. Облизнув губы, Кит начал готовить ужин.

Глава 5

Помещичий дом и его обитатели

Чтобы не попасться на глаза «графине», Миша пошел не по главной аллее, а по боковой.

– Посмотрим сначала, дома ли хозяйка, – сказал он Коровину.

– Как ты узнаешь?

– Увидишь, – загадочно ответил Миша.

Продираясь сквозь кусты, они дошли до центральной аллеи и отогнули ветви деревьев.

Старый дом стоял прямо перед ними. Штукатурка на нем местами облупилась, оттуда торчали полосы дранки и клочья пакли. Разбитые стекла в окнах были заменены фанерой, обрезанной простой пилой, с неровными краями и кое-как прибитой. Иные окна и вовсе были заколочены досками, разными по размеру и толщине.

– Дома, – с досадой прошептал Миша.

В ответ на вопросительный взгляд Коровина Миша глазами показал ему на мезонин.

В нише, широко распластав крылья, стояла большая бронзовая птица с непомерно длинной шеей и загнутым книзу хищным клювом. Острыми когтями она цеплялась за толстый сук. Глаза, огромные, круглые, под длинными, как у человека, бровями, придавали птице странное и жуткое выражение.

– Видел?

– Видел, – прошептал Коровин, ошеломленный зловещим видом бронзового истукана.

– Орел.

Коровин с сомнением качнул головой:

– Какой же это орел? Видал я на Волге орлов.

– Орлы бывают разные, – зашептал Миша, – на Волге одни, здесь другие. Но не в этом дело. Посмотри внимательно. За птицей ставни? Они открыты, видишь?

– Вижу.

– Ну вот, раз ставни открыты – значит, графиня дома. Как только она уезжает в город, то закрывает ставни, а приезжает – открывает. Понял? Только имей в виду: это секрет, никому не рассказывай.

– А мне и ни к чему, – равнодушно ответил Коровин, – все равно мы дом отберем. Ребят двести можно разместить, а она одна живет. Разве правильно?

– Конечно, неправильно, – согласился Миша. – И забирайте усадьбу поскорее... Вот что! Поищем ребят в сараях. Может быть, они там спрятались. Сидят и посмеиваются над нами.

Прячась за кустами, мальчики обогнули дом, подошли к задней стене конюшни и через маленькое разбитое оконце проникли в нее.

Затхлый запах трухлявых бревен, сгнивших досок, старого навоза ударил им в нос. Перегородки между стойлами были разобраны; там, где лежали опорные бревна, чернели провалы земли. Мальчики вздрогнули: не замеченная ими стая воробьев поднялась и с шумом вылетела из конюшни. Осторожно ступая по разбитому деревянному полу, Миша и Коровин перебрались из конюшни в сарай.

Здесь было темнее. Окон не было, а ворота, снятые с петель, были прислонены к проему и не пропускали света.

Пахло мышами, прелой соломой, протухшей мучной пылью.

Миша ухватился за стропила, подтянулся и вскарабкался на сеновал. Затем помог подняться и неуклюжему Коровину. Сгнившее перекрытие подгибалось под ногами. Крыша изнутри была усеяна комками осиних гнезд. Сквозь прорехи крыши синело небо.

Друзья обошли сеновал, через слуховое окно перебрались в соседний сарай. Тех, кого они искали, не было. Впрочем, искал один Миша. Коровин пробовал крепость бревен, сокрушенно причмокивал губами в знак того, что все здесь очень старое.

Тем же путем мальчики спустились обратно. Теперь предстояло осмотреть сарай, который назывался машинным: раньше в нем хранился сельскохозяйственный инвентарь. Он стоял на отшибе. Чтобы попасть в него, надо было перебежать кусок площадки, прямо на виду у дома.

Миша уже собирался выскользнуть из сарая, как вдруг отпрянул назад, чуть не опрокинув стоявшего за ним Коровина. Коровин хотел посмотреть, что так взволновало приятеля. Но Миша крепко стиснул его руку и головой показал на дом.

На верхней ступеньке лестницы стояла высокая, худая старуха в черном платье и с черным платком на голове. Ее седая голова была опущена, лицо изборождено длинными морщинами, острый крючковатый нос загнут книзу, как у птицы. Эта черная, неподвижная фигура казалась мрачной и зловещей в пустынном молчании заброшенной усадьбы.

Мальчики стояли не шевелясь.

Потом старуха повернулась, сделала несколько шагов, медленных, прямых, точно шла она, не сгибая колен, и исчезла за дверью.

– Видал? – прошептал Миша.

– Прямо сердце захолонуло, – тяжело отдуваясь, ответил Коровин.

Глава 6

Что делать дальше

Миша и Коровин вернулись в лагерь. Все были уже в сборе. В лесу тоже никого не нашли. Огорченные неудачей, обеспокоенные судьбой пропавших товарищей, усталые и измученные, сели в этот вечер ребята за ужин. А тут еще Кит объявил, что продуктов осталось мало, едва хватит на завтрашний день.

– Не суди по собственному аппетиту, – заметил Генка.

– Можете сами проверить, – обиделся Кит. – Масла почти совсем нет. Сухарей тоже. Круп...

– Не волнуйся! – сказал Миша. – Завтра Генка и Бяшка поедут в Москву и привезут продукты.

Теперь обиделся Генка:

– Все Генка и Генка! Думаешь, приятно таскаться по такой жаре с мешками? Да еще выпрашивать у родителей продукты! Тех дома нет, те не приготовили. Клянчишь, клянчишь...

– Ничего не поделаешь, – сказал Миша. – Не будет же нас кормить государство. Ведь наше государство только восстанавливается. А родителям тоже трудно. В московских семьях размещено десять тысяч детей с Поволжья. Кроме того, каждый москвич отчисляет дневной заработок в пользу голодающих. Понимать надо! – Он многозначительно поднял вверх ложку. – И посылаю тебя потому, что у тебя есть опыт.

Запихивая в рот кашу, Генка самодовольно ухмыльнулся:

– Да, уж будь здоров! Привык я с ними разговаривать: «Ваш Юрочка поправляется. Аппетит зверский. Вчера отгрыз хвост у хозяйской овцы». Вот мне и дают... Эх, черт возьми, найти бы нам богатых шефов, вот бы подкормили! Какую-нибудь кондитерскую фабрику.

– Лучше бы колбасную, – вздохнул Кит и, представив себе, как шипит на сковородке жареная колбаса, зажмурил глаза от удовольствия.

Ребята кончили ужинать, но все еще сидели у костра. Дежурные мыли посуду. Кит, шевеля губами, пересчитывал кульки с мукой и ломти хлеба. Его толстое лицо выражало озабоченность, как и всегда, когда глаза видели, а руки ощупывали что-либо съестное. Генка и Бяшка готовили мешки и сумки для сбора продуктов. Вернее, готовил их Бяшка. Генка же давал ему руководящие указания, а сам в это время осматривал свой знаменитый портфель. Хотя и потрепанный, этот портфель был настоящий, кожаный, со множеством карманчиков и отделений и блестящими никелированными замками. Генка им очень гордился. Отправляясь в Москву за продуктами, он всегда брал его с собой. Генке казалось, что портфель производит большое впечатление на родителей. Чтобы усилить это впечатление, Генка, разговаривая, клал портфель на стол и с важным видом щелкал замками.

«Действует неотразимо, – говорил Генка про свой портфель. – Если бы не портфель, весь отряд давно бы помер с голоду».

А в то время как Генка упражнялся со своим портфелем, Генкин спутник должен был таскать мешок с продуктами.

– Вот что, Генка, – сказал Миша, – родителям Игоря и Севы ничего не говори, а постарайся дипломатично выяснить, не приезжали ли Игорь и Сева в Москву.

– Все выясню, не беспокойся.

– Только осторожно, а то разволнуешь родителей.

– Сказал: не беспокойся! Мамаши и не догадаются. Я спрошу так, между прочим.

– Как ты спросишь?

– Я даже не спрошу, а так это, безразлично скажу: ваш Игорь собирается приехать к вам...

– А зачем?

- Помыться в бане.
- Кто тебе поверит?
- Ага! Тогда я скажу так: он должен приехать в Москву за книгами.
- Это ничего.

– Ну вот, – продолжал Генка, – а если он в Москве, то мамаша скажет: «Ведь он уже дома». А я скажу: «Да? Удивительно! Значит, он меня опередил». Потом спрошу: «А где он?» Она скажет: «Играет на заднем дворе». Тогда я вежливо попрошаюсь, выйду на задний двор и закачу этому Игорю такую плюху, что он подпрыгнет до четвертого этажа.

– Дратся, пожалуйста, не надо, – заметил Слава.

– Дратся, конечно, не надо, – согласился Миша, – но проучить их придется. Я сам бы поехал, но... – он презрительно посмотрел на Славку, – не на кого лагерь оставить. Пусть уж едут Генка и Бяшка.

Бяшка вдруг объявил:

– Я, конечно, поеду, но предупреждаю: если Генка заставит меня таскать мешок, а сам будет своим портфелем размахивать, то я все брошу и уеду! Вот! Прямо заявляю!

– Когда я заставлял тебя одного таскать?! – с негодованием возразил Генка.

– Всегда заставляешь! – закричали все, кто ездил с Генкой за продуктами.

– Спокойно! – сказал Миша. – Таскать будете одинаково. Только не проспите поезд. А мы завтра отправимся в деревню. Пора уже клуб закончить.

Некоторое время все сидели молча, усталые после забот и треволнений сегодняшнего дня.

Костер горел ярким пламенем. Сухие ветки трещали в огне. Искры взвивались в воздух и пропадали в темной вышине ночи.

– Тише! – прошептала вдруг Зина.

Все замолчали и обернулись к лесу.

Хрустнула ветка... Зашелестели листья деревьев, точно слабый ветерок пробежал по ним... Послышался чей-то вздох...

Миша сделал рукой знак всем сидеть на месте, поднялся и замер, вглядываясь в темный лес, прислушиваясь к странным звукам...

Неужели Игорь и Сева наконец вернулись?

Глава 7

Васька Жердяй

Но это были не Сева и не Игорь...

К костру подошел Васька Жердяй, высокий парнишка в белой рубаше и узких холщовых штанах, едва прикрывавших острые, худые колени. Прозвали его Жердяем, потому что был он высок для своих лет, очень худ и тощ. Он жил с матерью и старшим братом Николаем на самом краю деревни, в полуразвалившейся избушке. Отец его погиб в германскую войну.

Жердяй больше других деревенских ребят дружил с комсомольцами. И они любили его. Он был добр, услужлив. Правда, верил в чертей и прочую ерунду, но зато знал хорошо лес, реку и очень интересно рассказывал всякие истории и небылицы. Старший брат Жердяя, Николай, был плотник и помогал ребятам устраивать клуб.

– Ты, Жердяй... – разочарованно протянул Миша.

– Я! – Жердяй присел к костру и дружелюбно улыбнулся.

В мелькающих тенях костра его большая голова с неровно подстриженными (видно, тупыми ножницами) белобрысыми космами казалась еще всклокоченнее, чем обычно. Он веточкой подгрел угли к костру и сказал:

– На деревне говорят, у вас два пионера пропали.

– Ерунда, – деланно безразличным голосом ответил Миша, – найдутся.

Жердяй с сомнением покачал головой:

– Не скажи... Если на Гольгинскую гать забредут, так могут и не вернуться.

Заинтересованные словами Жердяя, ребята теснее окружили костер.

– Что за гать такая? – спросила Зина.

– Гать-то? Дорога лесная.

– Гать – дорога из хвороста, а иногда из бревен. Строится обычно на болоте, – пояснил Славка.

– Верно, – подтвердил Жердяй, – из хвороста. И на болоте построена. Только давно. Ею никто и не пользуется.

Генка нетерпеливо спросил:

– Что ты хочешь рассказать про эту самую гать?

– Про Гольгинскую? А то, что если попали ваши ребята на Гольгинскую гать, так могут и не вернуться.

– Утонут? – спросила Зина Круглова.

Жердяй покачал головой:

– Утонуть не утонут, а увидят старого графа и помрут.

– Опять ты басни рассказываешь! – усмехнулся Генка. – Не надоело выдумывать?

– Не выдумываю я, – серьезно ответил Жердяй, – всё истинная правда. Старики рассказывают. Там граф с сыном закопаны. Прямо в гати. Царица приезжала сюда, давно, еще до Наполеона. Вот царица приехала и казнила графа с сыном. А хоронить не позволила. Велела прямо в грязь закопать, на гати, чтобы все по ним ездили. Так они там закопанные и лежат.

– А наши ребята здесь при чем? – спросил Миша.

– Вот слушай... Значит, старый граф с сыном там закопаны. Только не похоронены они как полагается, вот и томятся их души. Никак не попадут ни в рай, ни в ад.

– Ох, и умора! – закричал Генка. – Бабы сказки!

Коровин недовольно заметил:

– Дай послушать, что человек говорит!

– Томятся, значит, их душеньки, – строго и печально продолжал Жердяй, – так и стонут под гатью, так и стонут. Я сам туда ходил, слышал. Старый граф этак глухо стонет; постонет да перестанет, постонет да перестанет. А молодой – громко, точно плачет, ей-богу!..

– Страшно! – прошептали сестры Некрасовы и опасливо посмотрели на лес; но им сделалось еще страшнее, и они придвинулись ближе к костру.

Жердяй глухим, монотонным голосом, подражая старикам, продолжал:

– А в самую глухую полночь старый граф выходит на гать. Старый, борода до колен, белый весь, седой. Выходит и ждет. Увидит прохожего человека и говорит ему: «Пойди, говорит, к царице и скажи, пусть, мол, похоронят нас по христианскому обычаю. Сделай милость, сходи!» Так это просит слезно да жалостливо... А потом кланяется. А вместо шапки снимает голову. Держит ее в руках и кланяется. Стоит без головы и кланяется. Тут кто хошь испугается, с места не сдвинешься от страха. А старый граф кланяется, голову в руках держит и идет на тебя. А прохожему главное что? Главное – на месте выстоять. Коли выстоишь, так он подойдет к тебе вплотную и сгинет. А ежели побежишь, так тут и упадешь замертво. Упадешь замертво, а граф тебя под гать и утащит.

– И много он утащил? – улыбнулся Миша.

– Раньше много утаскивал. А теперь туда и не ходит никто. Из Москвы приезжали. Рыли эту самую гать. Да разве их найдешь! Как милиция уехала, так они снова залегли.

– А за что их казнили? – спросил кто-то.

– Кто их знает! Кто говорит – за измену, кто говорит – клад золотой царский запрятали.

– Ну конечно, – иронически заметил Генка, – клад уж обязательно. Без клада не обойдется.

Миша протянул руку по направлению к помещицкому дому:

– Про этих графов ты рассказываешь?

– Про них, – кивнул головой Жердяй, – про предков ихних. Который граф за границу убежал, так тому, что под гатью, он внуком приходится.

Миша зевнул:

– Сказки!

– Не говори, – возразил Жердяй, – старики рассказывают!

– Мало ли что старики рассказывают, – пожал плечами Миша. – Сколько чудес рассказывали про мощи, а когда стали в церквах изымать ценности в пользу голодающих, так ничего и не нашли в этих мощах. Одна труха, и больше ничего. Обман! Опиум! Затуманивают вам мозги, и всё!

Потом Миша посмотрел на свои часы. Хотя он носил их на руке, но они были переделаны из карманных, такие большие, что даже рукава рубашки не могли их закрыть. Полдевятого.

– Давай отбой! – приказал Миша горнисту.

В ночной тишине громко прозвучал горн.

Прощаясь с Жердьяем, Миша сказал:

– Завтра мы придем клуб оборудовать. Так ты сходи с ребятами в лес и наруби еловых веток. Мы ими клуб украсим.

– Можно, – согласился Жердяй. – А книжки принесете?

– Обязательно. И попроси Николая, чтобы он тоже пришел. Поможет нам закончить сцену и скамейки.

– Придет! – уверенно ответил Жердяй.

Белая рубашка мелькнула среди деревьев. Послышался хруст ветвей. Все стихло.

– Как он не боится ходить ночью по лесу один! – сказала Зина.

– А чего бояться? – хвастливо возразил Генка. – Я ночью куда угодно пойду. Хотя бы даже на эту дурацкую гать.

– Ложись лучше спать, – сказал Миша, – а то завтра к поезду опоздаешь.

Все разошлись по палаткам. Некоторое время слышались смех и возня. Миша в последний раз обошел лагерь, проверил посты. Остановившись у палаток, он громко говорил: «А ну давайте заснем»... Наконец лег и Миша. Все стихло.

Луна освещала спящий лагерь.

Но спали не все.

Часовые ходили по поляне, сходились у мачты и снова расходились в разные стороны.

Миша лежал и думал о том, куда могли деваться Игорь и Сева и что предпринимать, если их завтра не окажется в Москве.

Славка терзался тем, что ребята сбежали именно тогда, когда он оставался за старшего.

Девочки прислушивались к тишине ночного леса и, вспоминая рассказ Жердяя про Голыгинскую гать, боязливо натягивали на себя одеяла.

Коровин размышлял о том, что усадьба, в общем, подходящая для трудкоммуны. А старуха хоть и страшная, но директор детдома Борис Сергеевич так ее шуганет, что она сразу образумится.

Генка как лег, так и заснул.

Бяшка лежал и уже заранее негодовал при мысли, что Генка будет размахивать портфелем, а его заставит таскать мешок с продуктами. И он придумал справедливый и гордый ответ Генке и злорадствовал при мысли, как опешит Генка, когда увидит, что он, Бяшка, взял с собой вместо одного два мешка, чтобы им тащить поровну.

Дольше всех ворочался Кит. Он прикидывал, какие продукты привезут завтра из города Генка и Бяшка и что из этого можно будет сварить.

Наконец в мечтах о завтраке уснул и Кит.

Глава 8

Николай, брат Жердяя

Миша проснулся. В щели палатки пробивались первые лучи солнца. Пахло сухими еловыми ветками, служившими ребятам постелью.

Миша просунул часы под полог палатки... Что такое? Всего полпятого. Может быть, часы остановились?.. Он поднес их к уху и услышал равнодушное тиканье. Пытаясь снова заснуть, Миша натянул на себя одеяло. Но сон не возвращался. Беспокойные мысли лезли ему в голову. Но за всеми заботами, которые владели им теперь как вожатым отряда, неотступно стояла мысль об Игоре и Севе.

Не в силах больше заснуть, Миша осторожно, чтобы не задеть лежащих кругом ребят, выбрался из палатки.

Поляна была подернута прозрачным холодноватым утренним светом. С верхушек деревьев доносился птичий гомон. Возле мачты, лениво передвигая ноги, бродил Юрка Палицын, дежурный. Второй дежурный, Сашка Губан, спал, привалившись к дереву... Так и есть – спят по очереди! На дежурстве! Нечего сказать... Миша подкрался к Губану и дал ему щелчка в лоб. Губан вскочил и уставился на Мишу.

– На посту не спят! – прошептал Миша внушительно.

Потом он обошел лагерь. Все в порядке, все на месте. До пробудки еще два часа. Можно бы еще поспать. Но уж раз встал, чего теперь ложиться... Сходить, пожалуй, искупаться, тогда уже не захочется спать...

С реки тянуло влажным холодком. Острые закрытые бутоны лилий торчали на воде среди широких зеленых листьев. Берег был влажен от росы.

Миша разделся, бросился в ледяную воду и сажёнками поплыл на другую сторону. Он раза три переплыл узкую, но глубокую речку, пока наконец согрелся. Но когда вылез на берег, снова ощутил холод. Стуча зубами, он долго прыгал на одной ноге, пытаясь другой попасть в штанину.

Потом он увидел подходивших к реке Николая Рыбалина, брата Жердяя, и еще одного крестьянина из их деревни – Кузьмина, пожилого, хмурого, бородатого мужчину. Они шли к маленькой бухточке, где неподвижно покоилось на воде несколько простых деревенских лодочек.

Увидев Мишу, Николай заулыбался и приветливо махнул ему рукой. Это был человек лет двадцати пяти, в накинутах на плечи старой солдатской шинели без хлястика, высокий, худой, костлявый. Но лицо его, тоже худое и костлявое, с острыми, выпирающими скулами, длинным, острым носом и тонкими, бледными губами, было добродушно и приветливо.

– Зябко небось купаться? – спросил Николай.

– Холодно, – признался Миша.

От нечего делать он пошел за ними к лодкам.

Кузьмин долго возился с замком. Скручивая сигарку, Николай молча посматривал на Мишу, улыбаясь неизвестно чему – может быть, тому, что он встретил Мишу, а может, тому, что начиналось прекрасное, погожее утро.

– Николай, – сказал Миша, – помните, вы обещали поработать сегодня с нами в клубе...

– Поработаем, – ответил Николай. – Съезжу только с Севастьяновичем на Халзин луг, вернусь, и поработаем.

– Не подведите.

Кузьмин справился наконец с замком и бросил цепь на дно лодки.

Николай перешел в лодку и сказал:

– Зачем подводить? Разве можно подводить?

Кузьмин тоже вошел в лодку и, упираясь ногой в сиденье, оттолкнулся веслом от берега.

На Кузьмине была рубашка без пояса, серые холщовые брюки, а на ногах – стоптанные короткие сапоги, похожие на боты.

Так Кузьмин и запомнился Мише – хмурый бородатый мужик со спутанными волосами, упирающийся ногой в сиденье и отталкивающийся от берега веслом...

– Мы вас будем ждать в клубе, – сказал Миша Николаю.

Николай опять улыбнулся в знак того, что он не обманет и исполнит обещанное.

Глава 9 В деревне

После завтрака Генка и Бяшка отправились на станцию. Плата за проезд в поездах и трамваях была введена недавно, ребята к ней еще не привыкли. Да и денег у отряда было мало.

– Туда поедете зайцем, – сказал Миша, – а обратно возьмете один билет. С ним Бяшка будет сидеть возле продуктов. А Генка будет бегать от контролера.

– Не надо нам никакого билета, – заявил Генка, – не в первый раз. Проедем.

– Нет! С мешками трудно бегать. Только продукты растеряете. Так что один билет возьмите обязательно.

Коровин тоже пошел на станцию – встречать директора детдома Бориса Сергеевича.

Звено Зины Кругловой осталось в лагере по хозяйственным делам.

Остальные ребята, предводительствуемые Мишей и Славкой, отправились в деревню.

Деревня раскинулась под горой, на самом берегу реки. Бревенчатые избы, крытые тесом и соломой, тянулись вдоль широкой, длинной улицы. Дворы были обсажены ветлами. Дома богачеев были двухэтажные, на красном кирпичном основании, а дом кулака Ерофеева был весь выложен из кирпича. Высокие, могучие дубы группами по два-три дерева виднелись здесь и там. Возле новых, выложенных из свежесрубленных бревен срубов валялась на земле желтоватая стружка.

Трубя в горн, отряд прошел по улице и остановился возле сельсовета. За ним тянулся длинный пустой сарай. Это и был будущий клуб.

Привлекаемые звуками трубы и видом шагающего по деревне отряда, деревенские мальчишки и девчонки сбегались со всех сторон. Кто постарше, подошел ближе, малыши стояли в отдалении: засунув пальцы в рот и тараща глаза, они смотрели на пионеров, хотя видели их уже не в первый раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.